

АННА ПАВИНА

РЖАВЫЙ КЛЮЧ

Анна Павина

Ржавый ключ

<https://litres.ru/74679157>

SelfPub; 2026

Аннотация

Городок Ржавый Ключ не значится на картах. Здесь не бывает туристов, зато люди исчезают регулярно — раз в семь-десять лет, всегда в одну и ту же ночь, когда старый колодец на площади замолкает на одиннадцать секунд.

Тринадцатилетняя Эмми слишком любопытна, чтобы не замечать странности, и слишком упряма, чтобы молчать. Когда в городке пропадает часовщик, она вместе с верным, вечно ворчащим Тимми начинает собственное расследование.

Следы ведут в прошлое: к легенде о двух девочках, исчезнувших в лесу тридцать лет назад, к ржавому колодцу за домом тёти Марго — и к тайному обществу, которое слишком долго пытается приручить то, что живёт в глубине. Кто-то очень не хочет, чтобы Эмми докопалась до правды. Но она уже слышит шёпот. И этот шёпот становится всё громче.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Анна Павина

Ржавый ключ

Глава 1

Тишина

Воздух в забытом всеми городке по утрам был особенным. Густой, как сироп, он пах влажными камнями на мостовой, дымом из каминных труб и чем-то ещё — сладким и старым, будто сама улица вспоминала вчерашний сон.

Эмми вдохнула его полной грудью, стоя на невысоких скрипучих ступенях парадного входа в дом тёти Марго. В груди защекотал холодок, а по спине пробежала колючая волна мурашек — то ли от утренней прохлады, то ли от странного предчувствия. А на языке остался привкус мёда и пыли.

— Эммильда, ты хоть поела?! — из кухни донёсся голос тёти, привычно строгий, но без настоящей сердитости. День начался слишком хорошо, чтобы сердиться.

— Поела! — крикнула в ответ Эмми. Горло на миг перехватило, будто она соврала о чём-то куда более важном, чем завтрак.

Эмми прыгнула со ступенек, чувствуя, как подошвы кроссовок утопают в мягкой, обжигающе холодной земле у палисадника.

На шее у неё висел верный спутник — маленький тёмный ключик с причудливой головкой. Металл был холодным и удивительно тяжёлым для своего размера; она привычно перекатывала его пальцами, чувствуя знакомые грани. От этого прикосновения в подушечках отозвалось лёгкое покалывание.

Эмми нашла его в семь лет среди развалин старой оранжереи, и с тех пор он всегда был с ней. Она верила, что находка — это её талисман, и однажды он отопрёт нечто очень важное. Для неё эта безделушка была не просто ценностью — она олицетворяла обещание.

И в этой тишине, подстроившейся под её дыхание, скрип колодца на площади вдруг оборвался.

Городок просыпался лениво, нехотя. Из трубы в булочной «У Моники» уже вился дымок. Где-то вдалеке лязгнула дверь, кто-то звал кого-то хриплым, сонным голосом. Но в основном царило безмолвие — слишком глубокое для места, где живут люди. Эмми почувствовала, как эта немая пустота начинает давить на барабанные перепонки, вызывая глухой гул в голове.

Она шла вдоль мощёной улочки. Воздух слегка щипал ноздри, а взгляд скользил по привычным деталям. Вот дом с глухими, покосившимися ставнями — там жил мистер Эл-

форд, вечно недовольный всем на свете. А вот и магазин «Сто мелочей», где продавали всё подряд — от гвоздей до леденцов. Она зашла за мятными конфетами.

В тот же миг за прилавком скрипнул стул — миссис Грейвс, самая главная сплетница городка, резко отвернулась к полкам с консервами, сделав вид, что увлечённо изучает состав сардин в масле. Артур Рид, не глядя на Эмми, протянул покупку и взял деньги. Его пальцы были холодными и сухими.

Она взяла леденцы и вышла. За спиной раздался облегчённый вздох миссис Грейвс и шёпот:

— Слава богу, ушла. А то, как на духу стоишь — всё кажется, сейчас что-нибудь стрясётся...

Она прошла мимо старого колодца — того самого, чей скрип был частью утренней рутины. Но сегодня что-то было не так. Звук, доносившийся с площади, оборвался на самой высокой ноте, захлебнулся — и замолк. На смену ему воцарилась абсолютная тишина.

Даже вороны на крыше почтового отделения, обычно горластые и суетливые, сидели нахохлившись и не издавали ни звука. Все они уставились в одну точку на восток, будто ждали какого-то сигнала. В этой неестественной паузе в животе у Эмми завязался тугой узел.

И она непроизвольно повернула голову. Её взгляд сам потянулся через крыши домов — туда, за дом тёти Марго, где стоял другой колодец. Тот, что безмолвствовал всегда.

И ей почудилось, будто с той стороны донёсся стон... или тихий вздох... или звон, словно стеклянная струна удари-лась о камень.

Она сжала свой амулет. И в тот миг ей показалось, будто металл отозвался едва заметной вибрацией — словно крошечный моторчик запустился где-то в его глубине. Сердце Эмми пропустило удар, а затем забилося так сильно, что каждый толчок отдавался в висках. Было ли это на самом деле или просто откликнулось её собственное, учатившееся сердцебиение — Эмми не поняла. Но оно забилося чаще не от страха, а от предвкушения. Это был знак.

— Ищешь кого? Или что-то потеряла?

Эмми вздрогнула так сильно, что зубы едва не клацнули друг о друга. В воротах гаража стоял старик Элайджа. Опираясь на костыль, горбатый, вечно жующий что-то, он смотрел на неё с ленивым интересом.

— Утро встречаю, дед, — уклончиво ответила она, чувствуя, как в коленях появилась странная слабость.

— Утро тут одинаковое, дитя... — хрипло рассмеялся он. — А вот глаза у тебя беспокойные. Опять по своим делам? — Он махнул рукой в сторону густого леса, который чёрной стеной стоял на окраине. — Там тебе и ответы искать. Лес помнит всё.

— А люди? Люди тоже помнят? — чуть слышно выдохнула Эмми, не ожидая ответа.

— Люди, дитя... Люди стараются забыть. А то, что стара-

ются забыть, всегда возвращается бумерангом. Вот и вертится он над нашими головами, ждёт своего часа. И хорошее, и не очень.

Эмми молча кивнула. Она почувствовала, как по затылку потянуло сквозняком, хотя ветра не было. Элайджа был одним из немногих, кто не отмахивался от её вопросов. Казалось, старик знал больше, чем говорил.

В это время скрип на площади возобновился — сначала робко, потом как обычно. Рутиня взяла верх. Но в сознании Эмми что-то щёлкнуло: «Почему замолк один колодец, а другой словно вздохнул?» Она повернулась, чтобы спросить об этом, но увидела, как старик медленно заковылял вглубь гаража. Дверца за ним захлопнулась, оставив в воздухе лишь лёгкий запах машинного масла.

Её взгляд упал на маленькую мастерскую часовщика через дорогу. Эмми замерла, вглядываясь в пыльное стекло. В горле стало сухо, как после долгого бега. «Странно», — подумала она. Обычно в это время Эдгар уже открывал ставни и выносил на ступеньки столик, чтобы покормить птичку. Сегодня та беспокойно прыгала поблизости, будто ожидая угощения.

Эмми подошла ближе и заметила кое-что на пороге. Маленький кожаный шнурок, который часовщик всегда носил на запястье, лежал, зажатый дверью, будто мастер так спешил уйти. «Где он?»

И тут же в памяти всплыли слова тёти за утренним кофе:

— Странно, Эдгар так и не зашёл за своими часами... Он же вчера позвонил поздно вечером и сказал: «Заберу первым делом утром — они очень нужны».

Новичок, недавно приехавший, чтобы ухаживать за старой мастерской, тихий и немного странный — его исчезновение не вписывалось в привычный ритм. Прошлая волна странностей была всего пять лет назад — это воспоминание мелькнуло у неё в голове. Пропажа мастера была иным, личным событием. Это ощущение заставило Эмми сильнее заинтересоваться старой тайной, и ей захотелось обсудить её прямо сейчас.

Она рванула к дому своего лучшего друга. Дыхание со свистом вырывалось из груди, а в боку начало покалывать. Она почти не смотрела по сторонам, зная, где его искать в это время: Тимми обычно сидел на низком каменном ограждении возле крыльца, с тоской глядя на дорогу к школе и доедая бутерброд.

Так оно и было. Тимми, свесившись с перекладины, смотрел в небо, где плыли беззаботные облака, и мечтал о чём-то далёком — наверняка не связанном с контрольными по математике.

— Тимми!

Её голос прозвучал как выстрел, спугнув воробья с ветки рябины. Друг вздрогнул, едва не уронив остатки завтрака.

— Что? Опять? Я не готов! У меня сегодня...

Эмми, запыхавшись, упёрлась руками в колени:

— Часовщик... он пропал.

Тимми скептически хмыкнул, спрыгивая с ограждения.

— Пропал? С чего ты это взяла? Может, уехал? Или спит? А может, ему просто... надоело?

— Он не покормил воробья, — заявила Эмми так, будто сообщала самое неопровержимое доказательство в мире. Её голос дрожал от возбуждения. — И его верёвочка, которая была всегда на его запястье... она валяется на полу, застрявшая в двери. Тимми, послушай меня, вряд ли бы он просто так её выбросил.

Он посмотрел на неё, и Эмми увидела, как его собственный скепсис тает, сменяясь очень холодным страхом. Он сглотнул, и этот звук в тишине улицы показался оглушительным. Она увидела, как он пытается найти ещё какие-то разумные доводы в своём безопасном, обыденном мире, но его взгляд упёрся в её горящие глаза.

Он вздохнул. Этот вздох означал: «Я терпеть не могу твои авантюры, но, если ты куда-то лезешь, я волей-неволей тащусь следом — иначе тебя точно убьют, а мне потом будет скучно».

— Ну хорошо, — он с обречённым видом отряхнул ладони от крошек. — И что мы будем делать?

— А что делают люди, когда дверь заперта? — Эмми уже разворачивалась и шла обратно, а Тимми, кряхтя, поплёлся за ней. — Мы попробуем её открыть.

И вот они уже стояли перед мастерской. Эмми дёрнула

ручку, хотя знала: та не поддастся. Тимми нервно покручивал подошвой кроссовок по брусчатке.

— Может, и вправду уехал? Зачем нам лезть в чужие дела?..

— Это странно! — Эмми обернулась к нему. Лицо её побледнело. — Как ты этого не понимаешь?! Он исчез, Тимми! Как исчезали другие. И если все будут делать вид, что ничего не случилось, то и нас когда-нибудь просто не окажется на этом месте — и все тоже промолчат!

Она посмотрела на запертую дверь, потом на Тимми, и в её глазах горел тот самый огонёк, которого он так боялся. Огонь, перед которым все его разумные доводы обращались в пепел. Дверь молчала, отвечая на их безмолвные вопросы лишь глухим стуком замка об дерево.

— Может, всё-таки закрыл мастерскую и укатил по своим делам, — снова занял Тимми. — Мало ли дел у часовщика в большом городе?

— А часы? — не отрывая взгляда от замочной скважины, тихо спросила Эмми. — Утром он так за ними и не пришёл. Так не уезжают.

Она перебирала пальцами холодный металл талисмана. Он был бесполезен для этой двери, но его привычная форма успокаивала. «Может, это и есть тот самый момент для этого ключика?»

— Забудь, — вздохнул Тимми, видя её сосредоточенное лицо. — Сегодня не получится. Слышишь?

Дверь молчала. В замочной скважине что-то тускло блеснуло — но не сталь замка, а клочок серой бумаги, засунутый глубоко внутрь. Из-за угла слышались шаги и голос почтальона. Улица просыпалась, и любая попытка сейчас была бы сразу замечена. Эмми сморщила нос, она посмотрела на замок, потом на Тимми — и в её взгляде родился новый, твёрдый план.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась она. — Не сегодня.

Эмми развернулась и пошла прочь. Она шла, чеканя шаг, а её ключ на груди ритмично бился о рёбра, словно второе сердце — более смелое и решительное. Но Тимми знал: это не отступление. Это была лишь передышка. Он видел, с каким упрямым интересом она окинула мастерскую, запоминая каждую щель в ставнях и трещину на подоконнике.

Тимми вздохнул с облегчением и тревогой одновременно. Передышка — это хорошо. Но он знал ту самую решимость, которая всегда заканчивалась тем, что они едва выбирались целыми из какой-нибудь трубы или подвала.

Они шли в сторону дома, а за их спинами запертая дверь продолжала хранить свою тайну. Она была закрыта сегодня, но не навсегда. Эмми глубоко вздохнула. Городок слегка замер, но она-то знала, что это было обманчивым. И это спокойствие было тонкой плёнкой льда на поверхности тёмной, глубокой воды. А под ногами уже пошли первые трещины.

Глава 2

Городок, который старался забыть

На самых старых картах этого места не было — он был затерян среди холмов и густых, почти чёрных елей, будто сама природа постаралась скрыть его от посторонних глаз. Добраться сюда можно было лишь по единственной грунтовой дороге, петлявшей между скальных выступов и давно заросшей колючим кустарником.

Если стоять на небольшой горе, то весь городок лежал как на ладони: в два десятка домов с тёмными деревянными фасадами и замшелыми каменными фундаментами, низкие каменные ограды. Воздух здесь был кристально чистым, он пах хвоей и какой-то звенящей пустотой. Но в самом конце, почти у края леса, стояла та самая мастерская — тёмная и молчаливая, как запечатанная тайна.

Это место будто жило со своей неторопливой жизнью. Здесь не было ничего примечательного. И в этом заключалась его главная прелесть для одних — и основная загадка для других.

Местные предпочитали не вспоминать, что раз в семь—десять лет безмолвие прорезал один и тот же леденящий душу

звук — вой полицейских сирен, ищущих очередного пропавшего. Сначала это были девочки — Лора и Вера. Потом — смотритель старого маяка. Затем — молодые исследователи из города... Список был длинным и тщательно замалчиваемым. Все они исчезали в ночь, когда колодец на площади замолкал на одиннадцать секунд.

Эмми вдруг вспомнила эту деталь из старого разговора с тётей. В горле мгновенно пересохло, а голос стал тихим и хриплым:

— Говорили, это — знак того, что дверь открыта. И остаётся только пыль на подоконнике... и ключ.

Официальные версии всегда повторялись: заблудился в лесу, сорвался с утёса. Люди принимали их, делая вид, что верят, и снова погружались в быт, поспешно засыпая прошлое песком забвения. Они не хотели знать, они просто боялись.

Казалось, этот цикл будет длиться вечно. Но теперь тишина снова стала звенящей и многозначной — полной давних ужасов, которые, наконец-то, кто-то услышит. Именно эту тишину, набухшую историями, они сейчас и нарушали.

Эмми потянула ручку двери мастерской ещё раз — чисто символически, лишь чтобы ощутить под пальцами холодное, непоколебимое упрямство замка. Дверь не поддавалась, ответив глухим стуком.

— Ладно, — Тимми с обречённым видом потёр ладони, которые заметно подрагивали. — И что теперь? Силой мыс-

ли открывать будем? Или призовём духов?

— Духи тут и так уже при деле, — буркнула Эмми. Она почувствовала на языке странный металлический привкус, какой бывает перед сильной грозой. — Сначала разведка. Потом — штурм.

Она отступила на шаг. Растрёпанные каштановые пряди лезли в лицо, и она сердито откинула их назад липкими от волнения пальцами. Взгляд скользил по почерневшим стенам.

— Никто просто так не исчезает, — в её голосе зазвучало то самое упрямство, от которого у Тимми всегда начинало ныть под лопаткой. — Должны же быть следы. Иначе в этом списке появится новое имя.

— Следы? — Тимми неуверенно посмотрел вниз, на треснувшую каменную плитку тротуара. — Тут полгорода прошло за неделю.

— Не эти, — Эмми уже двинулась вдоль фасада, проводя ладонью по шершавой поверхности. Стена была тёплой от солнца, но от неё почему-то веяло холодом.

Её пальцы нащупали глубокую царапину на дверном косяке — наследие одного из прошлых исследований, не имевшее отношения к сегодняшнему дню.

— Следы спешки, отметины борьбы или... знаки того, кто очень старался ничего после себя не оставить.

Она замерла у угла, где густая ежевика, похожая на спутанный клубок колючей проволоки, яростно взбиралась по

камням среди тёмной, почти траурной зелени. Среди ветвей мелькнул тусклый металлический отблеск. Эмми, не раздумывая, нырнула руками в самую гущу веток.

— Эмми, стой! Там же шипы! — вскрикнул Тимми, дёрнувшись к ней, но было уже поздно.

Острый, загнутый назад шип с сухим треском впился в нежную кожу запястья. Эмми резко отдёргнула руку, и длинная тонкая царапина тут же налилась пунцовой кровью. Она лишь закусила губу, глядя не на рану, а на свою добычу на земле.

Но Тимми уже был рядом. Он бесцеремонно перехватил её ладонь, заставляя отвлечься от тайны.

— Ну вот куда ты лезешь? Вечно ты так... — пробормотал он. Голос его, обычно ворчливый, сейчас мелко дрожал. Он бережно перехватил её ладонь.

Эмми почувствовала, как её собственный старинный талисман на груди — тот самый, с тяжёлой литой головкой, — качнулся и ударился о рёбра, будто ревниво напоминая о себе. Но сейчас её внимание было приковано к другому.

Тимми достал из кармана чуть помятый, но чистый платок и осторожно прижал его к порезу. На мгновение мир вокруг — с его исчезнувшими часовщиками и зловещими тенями — перестал существовать. Была только эта пульсирующая точка боли на руке и сосредоточенное лицо друга, который смотрел на её царапину так, будто это была смертельная рана.

— Заживёт, Тимми, — тихо сказала Эмми, и её голос вдруг утратил всю свою боевую жёсткость.

— Конечно, заживёт, — он поднял на неё глаза, и в их глубине Эмми увидела такое отчаянное беспокойство, что в животе снова завязался узел, но на этот раз — тёплый. — Но в следующий раз сначала скажи мне. Я... я бы просто отодвинул ветки курткой.

Он ещё секунду не выпускал её ладонь, прежде чем Эмми, смутившись, осторожно высвободилась, чтобы указать на находку.

На земле, среди примятой травы, лежал совсем другой ключ. Он не был похож на изящную безделушку Эмми. Это был грубый, современный инструмент — плоская полоска никеля с острыми, неровными зубцами. Он блестел на солнце холодным, «магазинным» блеском, и на его боку виднелась глубокая свежая царапина, будто его с силой вырвали из замка.

— Это от мастерской? — шепнул Тимми, не решаясь прикоснуться к находке.

— Нет, — Эмми прищурилась, сравнивая тяжёлый чёрный ключ на своей шее с этим светлым обломком на земле. — Тот, что от двери у Эдгара, был длинным и медным. А этот... этот от чего-то маленького. Может, от шкатулки? Или от того самого ящика, который он всегда запирает, когда я заходила?

И в этот самый миг Эмми почувствовала на себе тяжёлый

взгляд. Он был почти физическим — будто холодный паук медленно прополз по её затылку, оставляя за собой липкий след. Кожу на шее защидало, как от ожога крапивой, а дыхание на мгновение перехватило.

Она резко обернулась. Улица была пуста, а из трубы булочной «У Моники» по-прежнему вился беззаботный дымок. Но в одном из окон, за полуприкрытыми жалюзи, ей почудилось движение — будто мелькнула тень.

Сердце Эмми пустилось вскачь, ударяя в рёбра с такой силой, что стало больно дышать: кто-то видел, что мы нашли. На улице никого не было, дома будто застыли в послеобеденной дрёме. Не слышалось ни голосов, ни лая собак — лишь назойливое жужжание мухи, бьющейся в стекло забытого окна мастерской. Казалось, сам воздух затаил дыхание. Городок притворился мёртвым.

— Пошли, — коротко бросила она, сжимая находку в кулаке. Металл был холодным и неожиданно тяжёлым — будто вобрал в себя всю ледяную тяжесть той тайны, что висела над городом.

— Куда? — голос Тимми сорвался на писк. — Кто-то же следил! Теперь они за нами придут!

— Туда, где не видно из окон, — Эмми уже тащила его за собой в узкий проулок между домами.

Это был не просто инструмент. Это была первая щель в стене молчания. Она сжала часовой ключ так сильно, что пальцы побелели, а на ладони отпечатались грани. Вопрос

был лишь в том, что они обнаружат, разбив эту преграду дальше — и не выпустят ли сами ту беду, что бродила по округе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.